

**Валентина
ДВИНСКАЯ**

г. Петрозаводск

УЖ СКОЛЬКО РАЗ ТВЕРДИЛИ МИРУ...

*Из книги бывшего обер-бургомистра г. Тюбингена,
подаренной мне в конце февраля 2020 г.*

В феврале 2020 г. мне позвонили из Петрозаводского бюро Общества дружбы «Запад-Восток» с сообщением, что меня ожидает некая книга, привезенная из нашего города-побратима Тюбингена. Это оказался большой и приятный сюрприз!

Коренные петрозаводчане наверняка помнят, что осенью 1989 года был подписан официальный протокол, закрепляющий дружбу нашего Петрозаводска и западногерманского города Тюбингена. О том, как всё это происходило, я, может быть, подготовлю соответствующий материал позднее, а сейчас возвращаюсь к книге и её автору – бывшему обер-бургомистру Тюбингена д-ру Ойгену Шмиду¹. Неординарность его личности подтверждается хотя бы тем, что его избирали на должность обер-бургомистра три раза. Срок служения в этой должности составляет восемь лет, таким образом, он занимал это почетное кресло 24 года (с 1975 по 1999), став своего рода рекордсменом. Подобные вещи в Германии случаются чрезвычайно редко, и «казус» Шмида лишь подтверждает любовь к нему тюбингенцев.

Полученная мной книга написана недавно, хотя

процесс её написания продолжался долго, почти всю жизнь, потому что копились материалы, послужившие подспорьем в её создании: письма, отчеты, дневниковые записи и т.д. Выйдя в отставку, превратившись в пенсионера², д-р Шмид не прекратил вести активную и насыщенную полезной деятельностью жизнь. А теперь, когда его взрослые дети обросли своим потомством, на него посыпались разнообразные вопросы на разные темы и от детей, расценивающих жизнь под углом зрения взрослых и обремененных разными проблемами людей, и от почти взрослых или входящих в подростковый возраст внуков числом двенадцать! По-видимому, под общим давлением этой молодой, зрелой и созревающей поросли «патриарх» и решился взяться за перо.

Когда книга была готова, её взял один из сыновей, проживающий в Берлине, и напечатал частным образом. Удовлетворенный получившимся результатом, он заказал еще дюжину экземпляров, опять же частным образом, поэтому в этой книге отсутствует так называемый «импрессум», т.е. выходные данные: издательство, место и год издания. Тем не менее по экземпляру этого изда-

ния получили университетские библиотеки в Берлине, Штутгарте и Тюбингене, в России – только я одна, остальные экземпляры переданы семьям детей и ближайших друзей. Таким образом, можно смело утверждать, что в нашей стране эта книга существует в единственном экземпляре. Говорить о том, что она чрезвычайно интересна и во многом поучительна, было бы излишним, это факт. Некоторые главы, вызвавшие мой личный интерес как бывшего советского гражданина и профессионального германиста, я перевела на русский в надежде, что и другие читатели смогут открыть для себя кое-что новое.

Глава, которую я сегодня намереваюсь представить вам, дорогие читатели, называется «Национал-социалистское наследство»³. Чем она интересна для нас? Мне кажется, что в ней выделяются две основных, узловых темы, предоставляющих много пищи для размышлений.

Во-первых, это тема войны и фашизма и неразрывно связанная с ними тема холокоста. Давайте вспомним: одним из основных принципов фашизма было разделение людей на «арийцев» и «нелюдей», на «достойных» и «недостойных» жизни. Поскольку в Германии того времени этот принцип нашел свое конкретное воплощение в отношении к евреям, цыганам, славянам, различного рода инвалидам, маргиналам и т.д. (Нюрнбергские законы о чистоте расы 1935 года), то именно эта тема, связанная с физическим уничтожением миллионов людей, была и остается незарастающей раной, вызывающей синдром «немецкой вины». Мы знаем, что в послевоенной Германии после проведения денацификации, демилитаризации и демократизации страны каждый человек, проживающий в новом свободном государстве, получал возможность пользоваться всеми правами и свободами, невзирая на пол, возраст, национальность, вероисповедание, социальную принадлежность и т.д., что и было закреплено в Основном законе ФРГ (Конституции ФРГ), принятом в 1948–1949 гг. и повторно подтвержденном в 1990 г. после объединения Германии. Однако мы знаем также по своему жизненному опыту, что самое пристальное внимание люди всегда обращают на что-то, что вызывает некие опасения, настороженность, предположения о возможности повторения чего-то крайне нежелательного, наконец страх перед возможным преступлением. Германия стала страной, где возникло и получило невиданный размах явление, называемое теперь холокостом. Свообразным сигналом для его начала послужил антиеврейский погром в Берлине в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, получивший впоследствии наз-

вание «Хрустальной ночи» из-за усыпанных стеклом улиц в центральной части города. В ноябре 2023 года будет отмечаться 85-летие со дня этого трагического события.

Благодаря открывшимся в конце и после войны злодеяниям фашизма – преступлениям против человечности в многочисленных концлагерях и на оккупированных территориях Европы – общественному возмущению во всех странах цивилизованного мира не было предела. В первое послевоенное десятилетие многие европейцы ставили знак равенства между понятиями «немец» и «фашист». Безмерно виновными в смертях или пытках, приведших к инвалидности и преждевременной смерти после войны, чувствовали себя не только те, кто принимал в ней участие простым солдатом и должен был подчиняться приказам, но и молодые люди, родившиеся в 1941–1950 годах, не заставшие войну лично, но выросшие в атмосфере бесконечных разговоров о ней, с пятном позора и ощущением, что с ними «что-то не так».

Эта тема не дает покоя немцам и до сих пор. Неудивительно, что очень многие немцы, начиная с 1960-х годов, когда в Европе немного утихла первая боль от зверств фашистов, покинули свою родину навсегда и эмигрировали в разные другие страны мира. В своих контактах с немцами я сталкивалась с этим не просто часто, а практически всегда.

Люди пожилые и первых послевоенных поколений опускали голову и явно переживали все уже прошлые события как несмыаемый позор; в противовес этому многие молодые пытались «восстановить» и с пеной у рта доказывали, что нынешние немцы ни при чем, что они ни в чем не виноваты и смешно ждать от них какого-то покаяния. Однако весь их полемический задор и даже злость лишней раз подтверждали, что всё еще живо, что гитлеровская эпоха еще не стала делом «давно минувших дней».

В этом контексте вся история с синагогой и другие события городской жизни, освещаемые в названной главе, являются убедительным подтверждением сказанного выше. Евреи, проживавшие в Тюбингене, связали свою жизнь с исследованиями совершавшихся здесь преступлений нацистов. Вся многолетняя кампания – то как бы затухавшая, то снова разгорающаяся – по вопросу форм и способов закрепления памяти о сожженной в 1938 г. синагоге вызывает и изумление, и сочувствие к жителям города, поставленным перед необходимостью решать невероятно сложную духовно-нравственную проблему, и – главное – раздумья о сущности этой проблемы. Моему поколению казалось очевидным, что человечес-

кая жизнь – это высшая ценность, и никто из людей не имеет права лишать этой ценности других. История показывает, что подобное убеждение полностью игнорировалось всеми тоталитарными государствами. Но после Нюрнбергских процессов казалось также, что теперь-то уж наступило всеобщее раскаяние и понимание, что все ужасы фашизма «больше не должны повториться». Но чтобы это действительно не повторялось, каждый, именно каждый, должен заглянуть вглубь себя и произвести ревизию собственной совести.

Д-р Шмид задает вопрос: «...разве справедливо просто тыкать пальцем в других, в «носителей зла», чтобы самому освободиться от всего этого?»; «...национал-социалистов нельзя... исключить из немецкого народа; они – его порождение и не смогли бы содейть свои преступления, <...> если бы не было так много пассивных равнодушных».

Национал-социализм подобен инфекционным болезням, недаром его называют чумой XX века: кажется, что болезнь побеждена окончательно и навсегда, но через некоторое время – даже длительное – она вспыхивает вновь то тут, то там, приобретая локальный или эпидемический характер. И это должно нас настораживать, потому что очаги болезни дремлют до поры до времени, ожидая наступления благоприятных для себя условий. То, что происходит в настоящее время в так называемом цивилизованном мире, в мире кровнородственных славян, в нашей собственной стране и у наших соседей, – должно заставить нас задуматься и оценить свою «личностную платформу» без всякого снисхождения. Антисемитизм, русофобство, неприятие или даже ненависть ко всему чуждому – это «поражение просвещения, часть незрелости...», «... Глупость и злонамеренность, предрассудки и жестокость по большей части упорнее, чем просвещенная воля», – говорит д-р Шмид, и, оглядываясь на происходящее вокруг, мы должны с ним согласиться. Не нужно быть пророком, чтобы предчувствовать, как в обозримом будущем состоятся новые нюрнбергские процессы. Описываемые в этой главе события содержат косвенный призыв посмотреть на себя и критически оценить свои действия. Очаги «нацистской инфекции» имеют обыкновение проклевываться вновь.

И, во-вторых, что обращает на себя большое внимание, – это взаимодействие властей и жителей города. Описание того, как жарко и болезненно реагируют жители на обнаруженные следы совершившихся в прошлом преступлений, свидетельствует, с одной стороны, об их неравнодушном отношении к своей истории, с другой,

подтверждает осознание ими факта, что «пепел Клааса продолжает стучать в сердца» их современников, и, в-третьих, что каждый жаждет найти и назвать виновных и тем самым отмежеваться от грязного прошлого.

Вместе с автором мы прослеживаем медленный, но необходимый путь поиска к решению возникшей проблемы, наблюдаем, как происходит вызревание этого решения, как учитываются все мнения, даже в ущерб выполнению намеченных планов и в нарушение первоначальных сроков. При этом чрезвычайно интересны модели поведения общественности, немедленно образовавшейся несколько рабочих групп активистов; городских властей в лице не попадающих в унисон городского совета и обер-бургомистра; бедняги застройщика, оказавшегося меж двух огней, и, наконец, еврея-раввина. Возобладал закон. И нашлось решение, которое внешне вроде бы всех удовлетворило. Остается вопрос: надолго ли? Произошло ли радикальное изменение в умонастроениях горожан? Ощутили ли они полное удовлетворение от развязки этой истории и сделали ли соответствующие выводы на случай повторения чего-либо подобного? «Неясно, всё еще неясно», – говорит нам замечательная немецкая писательница Мария Луиза Кашниц⁴. А история повторяется, хоть и испытывает различные модификации.

И еще один аспект, требующий пристального внимания. Это идея автора насчет приглашения бывших сограждан еврейской национальности в город их прежнего местожительства. Сама по себе блестящая, она на практике оказалась совсем неоднозначной. В конце 1960 – начале 1970-х годов идея «примирения», «покаяния и прощения» получила в Германии довольно широкое распространение. Вообще, в простом народе Германии издавна существовало представление, что если в городе проживают евреи, то это уже само по себе является внешним показателем благосостояния города, его процветания, его богатства, зажиточности и т.д. И в рассматриваемый период очень многие города, где до прихода Гитлера к власти находились еврейские диаспоры, поставили перед собой задачу «вернуть» еврейскую жизнь в город.

Разумеется, речь могла идти, в основном, о потомках бывших сограждан, т.к. сами они в большинстве уже находились в лучшем из миров. Многие федеральные земли командировали своих представителей, и эти эмиссары, предварительно проделав значительную архивную работу, отправились в различные точки мира с

целью пригласить оставшихся в живых бывших сограждан или их потомков «вернуться» в Германию, где им обещали сразу же жилье, работу, социальные пособия и пр.

Каким получился результат этих усилий? Конечно, очень разным. Но в целом лишь незначительное число приглашенных согласилось на переезд в Германию из своих нынешних мест обитания.

Положительным считается уже то, что некоторая часть из бывших еврейских жителей тех или иных городов дала согласие снова их посетить и встретиться с бывшими соседями, бывшими коллегами, бывшими одноклассниками, бывшими возлюбленными. Но потом все разъехались обратно по домам⁵. По-видимому, сработал неписанный закон: предавший однажды предаст и впредь.

В заключение, несмотря на сомнения разного рода, очень хочется согласиться с автором в утверждении, что «...демократия, как никакая другая форма государственного устройства, предлагает гарантию того, что злобные человеческие первобытные черты можно хоть в какой-то степени укротить...».

И еще, дорогие читатели, очень бы хотелось узнать о впечатлении, полученном вами от прочтения этого текста.

Д-Р ОЙГЕН ШМИД «РАЗДУМЬЯ» / DR. EUGEN SCHMID «NACHSINNEN»

Глава «Национал-социалистское наследство»

Когда я принял должность, дела, связанные с национал-социалистским прошлым, находились в самом ужасном состоянии. И не только для тех, кто был втянут в эту мерзейшую фазу новейшей немецкой истории, но и для тех, кому пришлось пережить её по незнанию, простодушию, бессилию или же покоровшись, – но в любом случае она была неприятна для всех. Оставались еще многие из тех, кому хотелось вытеснить это прошлое из памяти по личным или политическим причинам.

Конечно, уже была заслуживающая всяческого внимания книга Лилли Цапф, первое издание которой появилось не без натуги очень маленьким тиражом в 1974 году. Автор, сама еврейка, лишь после войны поселившаяся в Тюбингене, выйдя на пенсию, по собственному почину и вопреки духу времени, занялась исследованием судьбы изгнанных и убитых, но живших здесь в период господства свастики еврейских сограждан, и су-

мела спасти их от забвения. В компании лишь с самой собой она скрупулёзно, тихо, настойчиво вела свою трудоёмкую, но тщательную работу, документируя их путь на чужбину или в ад концентрационных лагерей и лагерей уничтожения, и, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, пробила «стену молчания». Однако же её призыв к тому, чтобы внушить подрастающему поколению настороженность к любому виду власти и диктатуры, не нашел отклика. Наоборот, она испытывала мрачное настроение, как она сама признавалась, потому что город не предпринял ничего, чтобы напомнить о «разрушении и сожжении синагоги на Гартенштрассе». По всей видимости, в 60-е годы Тюбинген оставался настолько же «свободным от евреев», как это было, когда исчезло государство национал-социалистов.

Благодаря моим собственным воспоминаниям из детства и имевшимся у меня до той поры контактам с евреями я ощутил любопытство и желание прояснить, насколько возможно, эту темную главу истории Тюбингена в Третьем рейхе и пробить фронт всего, что было скрыто и превращено в тайну. Город не имел права уклоняться от главного вопроса: как могло случиться это чудовищное гитлеровское разорение.

«Кто получает наследство, тот получает одновременно долги и нагрузки, независимо от того, знает он об этом или нет», – напоминал я. Поэтому для меня было само собой разумеющимся распространение в Тюбингене «критического усвоения и осознания ошибок прошлого», хотя я отдавал себе отчет, что воспоминания о бесчеловечных событиях отзвучат болью в тех, для кого они составляют часть собственной биографии. Мне было также ясно, что из-за этого я начинаю балансировать на краю пропасти. Преступники попытаются затушевать свои преступления. Однако же вскрыть их было долгом и перед страданиями жертв, которые не могут всё забыть, и перед исторической правдой, как бы неудобоварима она ни была.

Конкретный повод для того, чтобы заняться национал-социалистской историей Тюбингена, не заставил себя долго ждать. Уже вскоре после своего вступления в должность я столкнулся с щекотливой темой Тюбингенской синагоги.

В ночь с 9-го на 10-е ноября 1938 года она, как и другие синагоги в Германии, была сначала разрушена штурмовиками (SA – коричневые) и эсэсовцами (SS – черные), а затем подожжена. Пожарные, сигнализация которых была нарушена, прибыли на место пожара на Гартенштрассе с опозданием и не могли ничего спасти. Некоторые из под-

жигателей, среди которых находился и бывший крейслайтер НСДАП⁶, после войны, в 1946 году, были приговорены к каторжным работам.

То, что более пятидесяти лет тому назад было построено еврейской общиной Тюбингена в качестве своего нового места для религиозных собраний, походило на пустыню. Земельный участок был очищен. Город взял его себе и после войны возвратил это место израильской культурной общине Вюртемберга, которая в 1951 году продала его какому-то частнику, и он построил на нем дом. В последующее время дом перепродавался несколько раз, и хотя город пытался откупить участок, ему не оставляли никакого шанса.

Несмотря на напоминания Лилли Цапф, в Тюбингене длительное время так никто и не позаботился о синагоге. Впервые в 1963 году, спустя 25 лет после её разрушения, состоялась инициированная студентами демонстрация, проследовавшая от Гартенштрассе к университету. В актовом зале сразу же состоялась торжественная церемония с целью почтить память о синагоге, «имперской хрустальной ночи» и преследовании евреев. Затем наступила тишина. Неоднократно предпринимаемые городом попытки водрузить памятный камень на месте бывшей синагоги потерпели крах из-за позиции владельцев участка.

Снова прошли годы, в течение которых ничего не совершалось. Наконец в 1978 году, уже во время моего нахождения на посту обер-бургомистра, создалась инициативная группа, получившая широкую поддержку со стороны общественности и жителей. Я не мог больше замыкаться только на муниципальной политике. Историческое сознание испытало новый поворот. После мучительных совещаний было решено: вместо памятного камня на бывшей площади Синагоги (владелец участка по-прежнему отказывался вести переговоры) соорудить прямо рядом с находящимся немного восточнее «Маленьким фонтаном» каменный фонтанный резервуар и сделать его «ближним / доступным местом» памяти. Споры возникли из-за текста на этом новом фонтанном памятнике. Следует ли прямо называть преступников или лучше указать в обобщенной форме на разрушение синагоги?

Политические расхождения по этому поводу отражали многообразие демократических мнений. По зрелом размышлении я поддержал текст без называния преступников. Прямо и конкретно назвать их представлялось совсем нелегким делом. Потому что кто, собственно, были эти преступники? Был ли это тот крейслайтер со своей коричневой бандой? Были ли это в своей аноним-

ной совокупности все национал-социалисты или сам Гитлер? Все эти варианты были по сути верными, ничье название не было бы неправильным, включая Гитлера. Ведь увольнение и уничтожение евреев было одной из главных, с самого начала хорошо спланированных и последовательно, шаг за шагом реализуемых задач. Однако мои побудительные причины к тому, чтобы не называть преступников, были гораздо глубже, чем эти вопросы, и основательнее. Я думал так: разве справедливо просто тыкать пальцем в других, в «носителей зла», чтобы самому освободиться от всего этого? Меня не оставляли в покое вопросы: как могло случиться в Германии то, что началось после захвата власти Гитлером и закончилось неизмеримой, беспримерной в истории культурной катастрофой? Как мог столь просвещенный, как кажется, культурный народ в центре Европы попасть под влияние преступной воли страдающего манией величия «вождя»? Как могло случиться то, что случилось?

Комиссия по управлению в Городском совете проголосовала под конец за мое предложение и остановилась на следующем тексте: *«Здесь стояла синагога еврейской общины Тюбингена. Она была сожжена в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, как и многие другие в Германии»*. В варианте инициативы жителей было добавлено: *«...сожжена национал-социалистами»*. Был и еще один вариант: *«В память о преследовании и уничтожении еврейских сограждан в годы 1933–1945»*, его добили. Однако голоса тех, кто настаивал на перечислении имен преступников, не смолкали.

На большой траурной церемонии на Гартенштрассе 9 ноября, т.е. спустя 40 лет после сожжения синагоги возле прежнего участка синагоги, выступили, кроме меня, сторонник мира в качестве представителя гражданской инициативы и староста класса из гимназии им. Уланда. Принятый текст я, среди прочего, обосновал в следующих словах: *«...Указание на национал-социалистов было, конечно, правильным... И всё же оно было бы поверхностным и сомнительным... потому что национал-социалистов нельзя, хоть это и было бы для многих удобно, исключить из немецкого народа; они – его порождение и не смогли бы содейть свои преступления, в том числе и в Тюбингене, если бы не было так много пассивных равнодушных. За то бесчеловечное, что совершилось в Третьем рейхе, за то, что немцы причинили евреям, несет ответственность весь наш народ. Хотим мы этого или нет, мы должны взвалить этот груз на свои плечи; мы не можем уклониться от того, что случилось, лишь пеняя на других. Моральная, пусть и не*

юридическая, вина лежит на всех, и она неделима... Где же были соседи, когда нужно было тушить горящую синагогу?»

Выходящая под опекой Отдела культуры серия «Малые трактаты о Тюбингене», или «К вопросу об истории Тюбингена», предложила создать форум для того, чтобы продолжать освещать таящееся во тьме национал-социалистское прошлое Тюбингена. Её новому руководителю Вильфриду Зецлеру, историку, я доверил свободу действий в просвещении общественности, чтобы стимулировать изменение в настроениях. Так, в 1987 году вышла в свет документация Бенигны Шёнхаген об опасном и анонимном массовом захоронении «Захоронение X» на городском кладбище Тюбингена, где, как установили исследователи, покоились также и останки жертв нацистов. Их предоставили патологоанатомам для исследовательских и учебных целей. Не причинив никому зла, эти люди были, однако, убиты по милости государства потому лишь, что они отличались от большинства: евреи, цыгане, коммунисты, свидетели Иеговы, гомосексуалисты, «недостойные жить», депортированные, привезенные для принудительных работ. Из-под руки того же автора в 1991 году вышла книга «Тюбинген под свастикой», образцово написанная история города, которая, вызвав разноречивые мнения, вплетала местные события в идеологию национал-социалистской диктатуры и связывала их вместе. А в качестве завершения своих исследований она издала в 1992 году каталог для городской выставки «Национал-социализм в Тюбингене». Здесь же следует назвать появившуюся уже в 1986 году хронике «Тюбинген 1945» Германа Вернера.

Далее к этой же серии Отдела культуры относится документация «Прошло, но не забыто» 1991 года. Основываясь на брошюре «Иностранные рабочие в Тюбингене в 1939–1945 гг.», выпущенной уже в 1985 году Институтом Людвиг Уланда университета Тюбингена, что стало возможным благодаря Благотворительному обществу по поддержке исследований в области истории национал-социализма в округе Тюбингена, здесь прослеживается судьба людей, угнанных из Польши для принудительных работ и попавших в Тюбинген, а также подробно сообщается об их приглашении городом на однонедельное пребывание в Большом зале заседаний в ратуше. В предисловии к брошюре говорится: «...Эта документация имеет целью не дать забыть и вытеснить что-либо из истории. Здесь сознательно описывается не только визит, но, в первую очередь, воспомина-

ния польских гостей об их принудительном пребывании, о времени в Тюбингене и о его влиянии на дальнейшую личную судьбу каждого...»

Наконец, в 1998 году появилась еще одна, получившая широкую известность за пределами Тюбингена, работа авторского коллектива под заглавием «Синти и рома, и Мы⁷. Выдворение, интернирование и преследование этнической народности». В ней излагается не только страдальческий путь цыган, но затрагиваются и некоторые тюбингенские события. Например, в ней сообщается о захвате группой синти университетского архива в 1981 году, где хранились «дела цыган», выясняется история с мемориальными досками на Хольцмаркт или же дается анализ захвата Тюбингенской Штифтскирхе группой рома в двести человек в Сочельник 1990 года.

Еще до появления в 1981 году этих письменных источников, завоевавших уважение в заинтересованных кругах, общественность Тюбингена была поражена приглашением в город **«бывших еврейских сограждан Тюбингена»**. Это необычайное событие никого не оставило в стороне. Одни радовались, что наступает период повышающейся ценности публичных воспоминаний, другие удивлялись этому, хоть и с любопытством, но отстраненно, и лишь немногие не могли этого понять. От последних, например, мне потом довелось услышать, что они все же ценят меня как обер-бургомистра, но приглашения бывших евреев никогда мне не простят. И еще спустя некоторое время я получил анонимную открытку: «Шмид, берегись, всё гораздо позднее, чем ты думаешь».⁸

После всего кошмара, причинённого евреям в национал-социалистской Германии, это приглашение было для меня сложной попыткой навести мосты между теми, кто пережил ад гитлеровского режима, и теми, кто теперь, в демократической Германии, несет ответственность за это. Это жест, который служит если и не примирению, то хоть просто человечности, это идея, рожденная из добрых помыслов, – или я слишком возмечтал? Созрело ли время для риска такого свидания? Можно ли снова общаться друг с другом? Какой будет реакция приглашенных на приемах? Что побудит их приехать? Расстройство и радость, разочужанность или горечь? Много вопросов, большие сомнения. Я хотел принять их вызов, и фракции Городского совета меня единодушно поддержали, хотя тогда эта инициатива еще не имела распространения по всей стране.

Хоть это и банально, но сложной задачей оказался поиск мест проживания бывших еврейских сограждан Тюбингена, еще остававшихся в жи-

вых. Разумеется, была произведена предварительная работа. Уже с конца 60-х годов город собирал адреса, и если поиск был успешным и находились выжившие, рассылал по ним на Новый год экземпляры «Тюбингенского календаря» и «Тюбингенские известия»⁹. Но в первую очередь это была книга Лилли Цапф «Евреи Тюбингена», дающая импульс для нового начала. К всеобщему сожалению, сама она из-за своего подорванного здоровья не могла принять участия в программе визита, хотя заслуживала этого как никто другой.

Спустя неполный год, в 1982, за несколько месяцев до её смерти, я еще успел посетить её на дому и выказать ей общее уважение, вручив «Медаль гражданина города». Я сказал ей тогда, что книга о евреях Тюбингена стала не только её исконной идеей, но в первую очередь делом её сердца и её жизненного пути. Великолепный результат этого продемонстрировал приезд бывших еврейских сограждан на городской праздник Тюбингена. После всего, что я еще позднее узнал о её судьбе, бескорыстная деятельность этой неуклонно следующей своей цели, чрезвычайно скромно живущей хрупкой женщины заслуживала бы еще более высокого отличия. Она покоится на Тюбингенском кладбище.

Приглашения встретили большой отклик среди бывших евреев Тюбингена; лишь немногие воздержались от ответа. Конечно, некоторым из адресатов пришлось отдать дань возрасту и отказаться. Наконец наступил день, когда мне удалось приветствовать в Тюбингене 27 бывших сограждан в возрасте от 51 до 86 лет, у некоторых были сопровождающие лица. Они прибыли из семи стран мира, большинство из США, другие из Южной Африки, Англии или Португалии. Многие, в былые времена соседи, знакомые, друзья и одноклассники, давно потерявшие друг друга из виду, встретились спустя десятилетия снова и, плача от радости, кинулись друг другу в объятия.

Для торжественного приветствия гостей в Большом зале заседаний ратуши в качестве главного оратора я попросил прийти Ханса Майера, еврея, эмигранта, затем возвратившегося в Германию. Его решительное аутсайдерство, но в первую очередь его личная судьба предназначили именно его и никого другого для торжественной речи. Его слова отзывались в ушах немцев большой горечью. «*Был даже Аушвиц. Это прошлое невозможно переварить*». Его слова трогали в первую очередь души и сердца гостей. После кое-каких оговорок и критических современных замечаний он, резюмируя, сказал: «*И все же можно снова жить друг с другом... Хорошо, что*

вы приехали. Уже факт приглашения говорит о добром намерении, и вам не следует раскаиваться в том, что вы здесь».

Через неделю, в течение которой ожили приятные и болезненные воспоминания гостей о городе, который когда-то был их городом («Там мы ходили в школу»), в котором они навестили давно знакомые места, где когда-то стояли их дома («*Просто хорошо быть там, где ты родился и вырос...*»), или могилы своих близких на еврейском кладбище в Ванкхейме, когда они совершали экскурсии по окрестностям, или когда они поехали на Шаббат в Штутгарт – после этой недели у них исчезло сомнение в том, удастся ли «возвращение домой на чужбину». Некоторые, кто поклонялся больше никогда не видеть Германию, не раскаивались в нарушении своей клятвы.

И не то чтобы прошлое вдруг погрузилось в глубину, наоборот («*Мы были немцами, а потом вдруг евреями*»), не то чтобы исчезла неприязнь («*Почему нас никто не спрашивает о том, почему мы не хотим снова вернуться навсегда?*»), но заметные поначалу общее напряжение и зажатость ослабели. Вдруг все почувствовали себя легко и свободно. Прощаясь, гости благодарили за теплый прием и за бережную опеку. Один из них в полном блаженстве признался: «*Я сажусь в самолет, снова обретая родину*». Как бы то ни было, но, прощаясь, никто не отрицал осязаемого желания увидеть старый родной город еще не раз.

Прошло шесть лет. В 1987 году я смог пригласить прежних еврейских сограждан Тюбингена (формулировка такая же громоздкая, как и её содержание) вторично. При этом выяснилось, что у некоторых посетителей все еще оставались опасения и существенные предубеждения против Германии. В одном из писем содержалась мысль, что первое приглашение было воспринято как жест примирения, но принятие нового приглашения может оцениваться так, будто «теперь всё забыто и часы истории переставлены снова на прежнее время». При всем большом желании этого быть не может, потому что раны слишком глубоки и честь оскорблена. И, наконец, еще и поныне в Германии существует слой населения, который считает режим нацистов нормальным явлением.

Это был сильный удар, и все же я благодарен за эту открытость. К своему ответу я добавил обращение, произнесенное мной 30 января 1983 года. В этот день 50-летия со дня «захвата власти» я вместе с Йолем Бергером, земельным раввином, открывал бронзовую доску в память о быв-

ших тюбингенских евреях на Хольцмаркт у стены Штифтскирхе, т.е. на центральной площади города. Её текст: *«Университетский город Тюбинген. В память о наших еврейских согражданах, изгнанных и убитых в период национал-социалистского господства. Для ежедневного напоминания нам и как обязанность противиться расовой ненависти и нетерпимости. 1933–1945–1983».*

Своей ссылкой на сказанное мной ранее я, очевидно, убедил автора письма: он принял приглашение. Все же, приветствуя гостей официально, я не мог обойти стороной его озабоченность. Уже в самом начале я подчеркнуто поднял эту тему и беспощадно указал на злостные случаи неонацистских проявлений ненависти к евреям и к иностранцам. Были ли они единичным проявлением или же отражают общее состояние общества? Я подчеркнул, что нам нужно задуматься о таких зловещих явлениях, потому что необходимо предвидеть свою ответственность. Антисемитизм – это поражение просвещения, часть незрелости, в чем должны себе признаться также и христиане. Тот, кто считает, что после Аушвица покончено с тысячелетней ненавистью к евреям, глубоко ошибается. Глупость и злонамеренность, предрассудки и жестокость по большей части упорнее, чем просвещенная воля. Я заверил гостей в понимании того, что в силу своей судьбы они могут относиться с глубоким пессимизмом ко всему немецкому и к немцам. Но, несмотря на это, я попросил их рассматривать Германию, их родину, которая, отняв всё их имущество, изгнала их, снова как место встреч людей, в том числе и евреев, тем более что эта страна прилагает все усилия к раскрытию правды о преступлениях нацистского режима.

И Ханс Майер, которому я имел честь вручить награду – «Медаль гражданина города», в своем благодарственном слове высказал тревогу по поводу форм ненависти к евреям в стране, где их почти нет, и выразил мнение, что почва, на которой мы все живем и действуем, по-прежнему очень неустойчива. И однако же кое-что в Германии поворачивается в лучшую сторону. Против возврата к нацистским настроениям предпринимаются меры безопасности. Даже если он еврей и не уроженец Тюбингена, он все равно член общества и согражданин. И в заключение своей речи, когда он воздал должное духовным светилам, знакомым ему со времен школы и студенчества, он признался: *«Но где еще немецко-еврейская общность в духе классического немецкого Просвещения может ощущаться сильнее, чем в нашем городе?!»*

Моя попытка «наведения мостов», обновленная этим вторичным приглашением, подверглась суровому испытанию. В тот самый день, когда я приветствовал гостей в ратуше и чествовал Ханса Майера, в «Тагблатт» появилась статья об иранском беженце, пойманном два дня назад в одном из продуктовых магазинов Тюбингена, когда он с неоплаченными товарами намеревался покинуть магазин через черный ход. Несмотря на мощное сопротивление, один из практикантов поймал его и, случайно или намеренно – вопрос остался открытым, – задушил его. Инстинктивно в этом сообщении по-настоящему взрывоопасно сплелись в один комок настоящее и история: здесь гости, когда-то изгнанные из нацистской Германии евреи, там – убитый чужак. Тотчас же многие задались вопросом, не действует ли здесь та самая ненависть, направляющаяся против людей только потому, что они не принадлежат к какой-то определенной группе. Сыграла ли свою роль в этом насильственном акте пусть и скрытая, но враждебность к чужакам, или же эта смерть могла постигнуть любого вора, кем бы он ни был? Предположения и различные спекуляции в вопросе об этой тюбингенской «несвоевременности» ходили по городу.

Спустя неделю открылась выставка «Литературный мир. Документы о жизни Ханса Майера». Были приглашены еврейские друзья. Трое ораторов – издатель «Тагблатт» Кристоф Мюллер в своем вступительном слове, я в приветственной речи и Ханс Майер в ответной благодарности – высказали свою позицию по поводу этой насильственной смерти. Волнующим и будоражающим было именно совпадение этих двух событий, это временное столкновение визита бывших еврейских сограждан и насильственной смерти мигранта. Но одновременно я предостерег от скороспелого приговора без судебного расследования объективных и субъективных обстоятельств преступления. Как бы то ни было, но ожесточенная публичная дискуссия показала мне, что у праворадикализма в Тюбингене нет шансов. Гораздо эмоциональнее граждане реагировали на высказывания о ненависти к мигрантам и иностранцам. Похоже, что они уверились в том, что человечность не связана с национальностью, религией, расой или цветом кожи, она неделима. Поэтому эта дискуссия меня не утратила, а, наоборот, придала мне больше мужества.

Третий визит бывших еврейских сограждан Тюбингена пришелся на 1995 год, год 50-летия со дня освобождения Германии от фашизма. На этот раз смогли приехать всего 17 из пригла-

шенных гостей. Их сопровождали родственники или знакомые. С одной стороны, это было обусловлено их возрастом, с другой, их детям хотелось познакомиться с корнями своих предков. При сравнении с предыдущими приемами и официальным приветствием гостей в Большом зале ратуши эта встреча носила совершенно особый характер. Одновременно я пригласил также гостей из самого младшего партнера Тюбингена – города Петрозаводска. Общий прием двух таких различных групп со всей очевидностью продемонстрировал, что и Германия, и мир со времени падения Берлинской стены в 1989 году неожиданно изменились, к счастью, благоприятно в политическом отношении. После «горячей» войны закончилась и «холодная». Восточные и Западные блоки начали трещать, Германия и Европа больше не были поделены на части. Об этом и говорилось на этом приеме.

И еще одна особенность отличала этот прием: в качестве оратора я пригласил живущего в Тюбингене и преподающего в университете Иосифа Ротшильда, принимавшего участие уже и в предыдущих визитах. Его энергичное религиозно-еврейское выступление прошло под лозунгом: «*Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль*» (4-я Книга Моисеева, 24, 5).

Как и в прежние визиты, Арнольд Марке, один из сыновей последнего кантора еврейской общины Тюбингена, высказал благодарность еврейским гостям: здесь была и злободневность, и преобладание миролюбия и терпимости, что звучало немного обнадеживающе-мессиански. Особенно он радовался презентации книги «Разрушенные судьбы. Пути тюбингенских евреев», выпущенной Исторической мастерской Тюбингена. И, наоборот, скорее тоскливо звучали короткие, спонтанно произнесенные приветственные слова Терезы Штерн-Лоуренс. Она вспоминала о том, как годы её незамутненной юности в её до сих пор любимом Тюбингене превратились в унижительное выдворение. В один прекрасный день в школе написали: «*Еврейских детей здесь больше не хотят видеть*». Прежние друзья не смели больше играть с евреями. «*Что же такое «еврей?»*» – спросила она тогда у бабушки с удивлением и испугом.

Еще в том же 1995 году, спустя несколько месяцев после последнего визита бывших евреев Тюбингена, рядом с посвященной им мемориальной доской на стене Штифтскирхе была укреплена другая бронзовая доска в качестве «освободительной и солидарной памяти» о преследовавшихся и уничтоженных цыганах. Этой торжественной церемонии предшествовал вечер памяти в

ратуше, на котором выступил председатель Земельного объединения синти и рома. Надпись на доске гласит: «*Синти и рома были физически уничтожены в период национал-социализма. Многие были насильственно стерилизованы и подвергались преследованию. Среди преследуемых и убитых были и тюбингенцы. Сотрудники университета были среди тех, кто пролагал пути расовому безумию. Жители нашего города относились к преступникам. 1933–1945–1995*». (Поскольку обиходное понятие «цыгане» имеет на себе клеймы и подвергалось злоупотреблению, члены Объединения, начиная с 1979 года, настаивали – только в Германии – на том, чтобы слово «цыгане», этимология которого неясна, стало табуированным и было заменено обозначениями «синти и рома». При этом под «синти» (в ед. числе – синто и синтицца) понимаются цыгане, оседло проживавшие в Германии с давнего времени, а под «рома» (ед. число – ром и ромни) те, которые пришли сюда в последнее столетие с Балкан. Оба понятия, и в первую очередь их дифференциация и формы единственного числа, несмотря на нынешнюю политкорректность, не укоренились в обыденном языке.)

Как гром среди ясного неба застигла меня в 1998 году, под конец моего пребывания в должности, во второй раз и с особой остротой тема синагоги. На Троицу я был в отпуске в Бретани, когда мне по телефону сообщили, что в Тюбингене поднялось сильное волнение из-за бывшей синагоги. Конечно, на этот раз речь идет не как раньше о плане города по оформлению Фонтанного памятника с восточной стороны, прямо у бывшего земельного участка синагоги, а о нем самом. Поводом послужило новое намерение строиться. Частный дом, стоявший там, подлежал сносу, а на его месте должен был возникнуть новый, больших размеров, поделенный на предназначавшиеся для продажи квартиры. Ожидая подвоха, заинтересованные граждане внимательно следили за работами. Неожиданно при рытье ямы под фундамент из земли показались остатки фундамента западной стены прежней синагоги. Оба угловых фрагмента были в хорошей сохранности, но срединный фрагмент частично отсутствовал.

Эти факты были (кроме еще раньше найденного прежнего фрагмента ограды) новыми, давно недостающими свидетельствами синагоги. Они тотчас получили символическую трактовку. Речь шла о «*камнях недовольства*». «*Камни вопиют*», – писал протестантский священник в своем «Воскресном слове», а другой выразил мнение, что фундаменты «*слышим*» повеству-

ют «о малодушии евангелической церкви». Создалась «Проектная группа Памятника на участке Синагоги» и потребовала, чтобы остатки были сохранены «in situ», т.е. на этом самом месте, и чтобы вокруг них было сооружено «достойное» памятное место. Когда я возвратился из отпуска, ситуация была тревожной. находка произвела поддержанный прессой публичный ажиотаж и в мое отсутствие привела к всеобщему, не пощадившему и администрации беспорядку.

Теперь возник вопрос: реалистично ли то, что требует «Проектная группа», и может ли это помешать новому строительству? Учитывая положение вещей и закон, я сразу же был против, поскольку в 80-е годы участок синагоги был внесен в план застройки и сохранял свое строительное право. Никто тогда не думал о запрете на строительство. Даже в заявке, поданной для разработки плана, не содержалось оговорок касательно сохранения будущей постройки в объеме status quo, т.е. не было каких-либо пунктов о недопущении более интенсивной застройки, чем до сих пор, на бывшем участке синагоги. И за это голосовало большинство Городского совета. И в точном соответствии с этой правовой основой новый владелец спланировал свою застройку и получил от города разрешение на строительство, ставшее тем временем неуязвимым. Возможность находок из времени синагоги, подлежащих охране памятников, там была четко оговорена.

Это, по сути, повседневное дело превратилось в весьма существенную гражданскую и муниципально-политическую опасность. И поскольку в Тюбингене такие чрезвычайные ситуации нередки, то сразу же заварилась смесь из доброй воли, слепого акционизма и блистательного безрассудства. Бурно выступала компания профессоров, протестантских священников со своими общинами и многие другие добропорядочно настроенные граждане. Разъяснить им, что невозможно без согласия владельца помешать новому строительству, получившему разрешение на законном основании, было бесперспективным занятием.

При этом в «Проектной группе» с её сторонниками речь шла только о том, чтобы вернуть обществу бывший участок синагоги полностью или частично благодаря камням, которые следовало сохранить «in situ», и чтобы создать «достойное» памятное место. Как это сделать реально, фантазии не знали границ. И каких только пожеланий не высказывалось! Владелец должен продать участок городу или какому-нибудь – только воображаемому – фонду, он должен отказаться от строительства, предпочесть

другой, «адекватный» участок, сместить запланированный дом с запада на восток или просто его уменьшить. Для «Проектной группы» не было ничего невозможного.

Все эти требования, как бы невыполнимы они ни были, я рассматривал пункт за пунктом и на многочисленных обсуждениях, и по телефону, и письменно с владельцем, застройщиком и, соответственно, с его адвокатом. Поначалу оба отвергали острую муниципально-политическую ситуацию, но вскоре вынуждены были её признать, осознав исторический груз, связанный с участком. Застройщик, даже зная свою неуязвимую правовую позицию, был готов на компромисс в деталях, насколько это допускали его полномочия. Отказаться от строительства или продать весь участок городу он мог при условии, что вернет в полном объеме все два миллиона марок, уже израсходованных на текущие потребности, включая право на возмещение ущерба, т.к. большинство квартир он уже продал и уже нанял строителей. Он даже согласился бы со сдвигом здания с запада на восток, но для этого необходимы были новое разрешение на строительство и согласие как соседей, так и покупателей квартир.

Ни одно из этих соображений не могло быть реализовано. Никто не был готов полностью или частично компенсировать владельцу отказ от строительства, никто из соседей не соглашался на сдвиг здания, нигде невозможно было найти «адекватный» участок на замену (к тому же заручиться на это согласием будущих владельцев квартир). В действительности желание закрепить память «на месте позорного преступления» оказалось таким же несбыточным, как достать с неба звезду. Для меня было интересным, что даже многие компетентные умы отвергали эту мысль, обязательно связанную с местом: *«Почему память обязательно должна цепляться за место, где теперь было обнаружено несколько камней?»* Мне довелось услышать и другой, исходящий от еврея голос: *«Ради бога, заниматься нужно чем-то действительно живым»*. Миллионные суммы за памятник? *«Нет, это антисоциально и чуждо еврею»*.

Все эти затратные положения, в том числе и политически затруднительные, не смогли удержать Городской совет от вмешательства в это дело. Общественный натиск на застройщика возрос еще сильнее. Стало необходимым внеочередное заседание. Несмотря на всю его спешность, я не мог созвать его тотчас, потому что должен был уехать на несколько дней в русский город-партнер Петрозаводск. За время моего отсутствия

структуры строительно-правовые и по охране памятников нашли решение для сохранения найденных фрагментов. Благодаря финансовой любезности застройщика они договорились о консервации найденных остатков. Вместо того чтобы просто снова присыпать камни, что требовалось бы с точки зрения строительных правил, их решили сохранить в одном закрытом помещении возле подземного гаража. Такой способ – к счастью или нет – в любом случае был лучше, чем если бы их снова погрузили под новостройку, где их никто больше не увидит. С точки зрения закона, такому строительному решению ничто не мешало. Застройщик мог бы немедленно заявить ходатайство об этом. Но по моей просьбе в связи с моим отъездом он был готов еще подождать заседания Городского совета и только потом предъявить свои требования.

На повестке внеочередного заседания находился целый ряд заявлений; на него были приглашены также гости. Поскольку накануне фракции жаловались на то, что им ничего не было известно о договоренности охраны памятников с застройщиком о сохранении остатков фундамента, мне пришлось извиниться. Затем я попытался четко объяснить, что следует различать, во-первых, право на строительство, за соблюдение которого отвечает исключительно город в качестве ведомства, имеющего право строительства, и, во-вторых, политическую сторону, подлежащую Городскому совету. Мои разъяснения в некоторых частях натолкнулись на нежелание их понимать. Некоторые члены Совета вообще не хотели понимать это различие. Было совершенно очевидно, что в этом деле, как ни крути, им ничего сделать не удастся, поэтому они чувствовали себя ущемленными и пытались найти выход, который – в своей политической безысходности – и нашли в лице обер-бургомистра. Мне пришлось, как бывает принято и удобно в запутанных ситуациях, выступить в качестве «козла отпущения».

Оба представителя «Проектной группы» в ходе заседания, несмотря на все предварительные разговоры, в которые они включились, снова упорно настаивали на сокращении величины здания или на его сдвиге. Одновременно им пришлось признать, что нужные деньги они могут собрать лишь частями, и то не в должном объеме. Сумму, которой они могли бы располагать, они не назвали.

Мейнхард Тенне, председатель Вюртембергского израильского религиозного сообщества, наоборот, никак не возражал против перемещения камней к Фонтану памяти. По его мнению, места

встречи могут находиться не только исключительно на участке бывшей синагоги, но и где-либо еще. В предварительном разговоре со мной он выразился еще более однозначно. Поскольку этот земельный участок был в свое время приватизирован, он не может выдвигать никаких претензий со стороны еврейской общины. Кроме того, он заметил, что синагога там, где есть Тора, а где её нет, там нет и синагоги. Тем самым он хотел подчеркнуть, что евреи обходятся со своими культовыми местами более легко, чем это делают христиане. Бывшая площадь синагоги является для них исторически значимой, но все же не «святым» местом.

Принятые вопреки моему мнению в конце заседания решения казались на первый взгляд вескими, но при трезвом рассмотрении были полны недозволенных приемов. Они обязывали администрацию прийти с владельцем к «приемлемому решению», которое должно, во-первых, способствовать «справедливому финансовому возмещению», во-вторых, путем сдвига или уменьшения объемов здания создать площадь, которую должно приобрести сей же момент созданное «Общество по опеке площади синагоги» с целью реализовать решение «in situ», и, в-третьих, держать претензии владельца на компенсацию «в разумных рамках». Далее следовало, что город должен вложиться в приобретение западной части участка, «поскольку церковных и частных пожертвований, а также участия Охраны памятников здесь недостаточно».

Рассматривая эту ситуацию с точки зрения реальности, владелец, связанный контрактами и находящийся под давлением сроков, не мог согласиться с этими запутанными, а в решающих пунктах просто лицемерными решениями. Они носили затяжной характер, основывались, по существу, на принципе надежды и со всеми своими условиями и ограничениями не предлагали застройщику в сложившейся ситуации, даже при всей его доброй воле, никакого решения. Уже через день после заседания он сообщил мне, что в силу своих договорных обязательств он вынужден начать строительство безотлагательно и отказывается от всех дальнейших переговоров. Тем самым вступало в силу разрешение, которому больше ничто не препятствовало.

Впоследствии еще раз стало ясно, что все продолжавшиеся в течение многих недель рассуждения и дискуссии были не только страшным общественным приступом гнева, но и с самого начала большой иллюзией, закончившейся для участников горьким уроком, разбившим их ожидания. Мечты «Проектной группы» должны были лопнуть

как мыльные пузыри уже потому, что они строились на «вере, любви и надежде» и упускали из виду какую-либо реальность. При этом симптоматично было уже то, что один из поборников, передавая мне список с более чем двумя тысячами подписей, совершенно серьезно заявил, что в вопросе финансирования он рассчитывает на «золотого осла». Другой в этой же ситуации, вдохновленный верой, твердо уповал на чудо, а третий, недолго думая, просто похерил закон о строительстве в пользу более высокого: «морально-этическое» решение, которого он от меня ожидал, стоит над всеми формальными строительно-правовыми параграфами. И точка.

Некоторые предположения, сопровождавшие этот недолгий мощный эпизод в тюбингенской истории летом 1998 года, вызвали горечь тех, о которых шла речь. Некоторые еврейские сограждане, уцелевшие в холокосте и снова живущие среди нас, опасались, что эскалация публичной дискуссии может отразиться на них и лечь нежелательным грузом. Они выказали большую сдержанность и осмотрительность, потому что не хотели снова стать жертвами. Один написал мне: «...евреи и их религия не должны подвергаться опасности или попадать в неё и не должны использоваться как средство вытеснения чувства вины или преодоления вины». И в письме одной женщины, бывшей замужем за евреем, было сказано: «Нельзя заглаживать благодаря камням то, что было преступного в отношении людей. Конечно, производит большое впечатление то, что граждане так сильно вступаются за этот участок синагоги, забывая при этом, что всё это не стоит им многих усилий».

Общественное давление, включая анонимные оскорбления и угрозы, ложились тяжелым грузом на владельца и застройщика, который был готов пойти на некоторые компромиссы и финансовые уступки, но, тем не менее, был поставлен к позорному столбу. Чтобы сделать его сговорчивым, нужны были деньги, которых ни у кого не было. Если он не сдастся, то, как пообещал ему один представитель «Проектной группы», разговаривая с ним с глазу на глаз, он не выйдет из этой истории уцелевшим. Наконец, кто-то ему написал, полностью забыв всё на свете, что он получит благословение, если оторвет «от сердца» этот участок, чтобы оказать честь Богу Израиля, который через Иисуса воплотился в нашего Господа и Спасителя.

От меня лично требовали отказать в разрешении на строительство в обход закона. Пойди я навстречу этому требованию, я бы взвалил обя-

занность возмещения убытков не только на город в силу своей должности, но и на себя лично. Но гораздо больше, чем все эти теоретические размышления, меня мучила другая мысль. Как могли люди, не устающие твердить о терпимости и примирении, вести себя так враждебно в отношении своего согражданина? Почему они публично так осрамили его своим ожесточенным сверхприлежным нажимом и угрозами? Неужели этим активистам со всеми их достойными уважения мотивами не пришла в голову в часы спокойного размышления идея о том, что они неправы, вынуждая его отказаться от своих прав? Наконец, неужели у них не возникло чувство, что их намерения, как бы морально высоко они не выглядели, ведут, в конечном счете, к произволу государственного значения?

На церемонии в Штифтскирхе 9 ноября 1998 года у меня была возможность еще раз высказать не оставлявшие меня мысли и озабоченность этой историей. Среди прочего я сказал: «*Ведь у владельца есть правовое разрешение на строительство, которое не может быть у него отнято «по усмотрению». И это и является отличием правового государства от тоталитарных систем, т.е. что господствующая власть не может распоряжаться по своему желанию имуществом, жизнью и здоровьем своих граждан. Следовательно, отзыв права на строительство мог бы осуществляться исключительно по доброму согласию с владельцем. Но такой отказ, если б даже он и пошел на это, должен был бы быть ему возмещен по справедливости. Однако же и частные лица, и церкви, и город могли предложить ему только приблизительно ту сумму, которая покрыла бы его издержки и обязательства. Прекрасная мечта обманула. Никто не смог, тем паче при имеющемся дефиците времени, собрать необходимые миллионы. Так нередко высокие ожидания обрушиваются в глубокое разочарование. С надеждой ожидаемое чудо не свершилось. Поражаться этому не будет тот, кто хоть немного знает местные меценатские традиции и не растерял чувство экономической реальности».*

Вынужденная временная пауза в планировании оформления Фонтанного мемориала продолжалась в течение «спора о синагоге». Теперь, когда страсти улеглись так же быстро, как и вспыхнули, работы могли быть продолжены. Поначалу я надеялся, что еще во время моего пребывания в должности смогу передать обществу прежнюю площадь синагоги, точнее, площадку возле бывшей синагоги. Все предпосылки для этого были созданы, в особенности

финансовые. Но этого не случилось. Тут вклинился инициированный «Проектной группой» и не совместимый с городскими планами конкурс на лучшее оформление. Город не упускал из внимания 50-летнюю годовщину со дня Имперской погромной ночи¹⁰, исполнявшуюся в 1998 году, но с этим уже нельзя было уложиться в срок. В конце концов, реализация плана, получившегося дороже из-за проведенного конкурса, заняла много времени и завершилась целиком лишь к концу 2000 года, причем со стороны общества было больше критики, чем одобрения.

Еще до истечения моего срока в должности родилась идея «исторической тропы, или тропы памяти», которая должна была начинаться на «новой» площади синагоги и пройти по местам, связанным с евреями. Мысль была очень смелой; она никогда не была реализована. Не только мне рисовалась мысль о диалоге в Тюбингене между немцами и евреями, который мог бы вылиться в Культурный центр, а может быть, даже стать ядром новой синагоги. Не упуская этой идеи, я уже в середине 90-х годов попытался привлечь в Тюбинген еврейских эмигрантов из бывшего Советского Союза, – мысль, которая вошла в административный проект для развития «французского квартала»¹¹. Однако надежда на новую, также и религиозную еврейскую общину рассеялась; правительство земли направляло тех, кого тогда называли «контингент беженцев», в другие города. А с евреями, уже жившими во время моей службы в Тюбингене и с которыми я познакомился, новую еврейскую общину создать было нельзя. Они оказались настолько разными по характеру, что даже не имели и не хотели иметь никаких контактов друг с другом.

После моего ухода со службы в 2000 году по инициативе евангелического священника возникла Рабочая группа, названная «Встречи с еврейством». Здесь, как правило, дважды в год собирались по преимуществу немцы с проживавшими в Тюбингене иностранными евреями. Речь шла о том, чтобы лучше связать друг с другом многочисленные, но в большинстве малоизвестные еврейские постоянные мероприятия в городе и университете и придать им публично-действенный характер. При этом были мысли о собственных специальных мероприятиях, которые были бы нацелены на контакты с еврейством в целом и на «пересмотр традиции христианского антииудаизма» в частности. Однако постепенно и всё нарастая со временем, для Рабочей группы, в которой я также бывал, и вопреки всем мероприятиям отдельных активистов, всё больше вырисовывался вопрос о смысле всего этого. Одна еврейская

участница дала на него ответ в том духе, что прямой и личной «встрече» людей еврейской и нееврейской национальности в Тюбингене поставлены структурные границы. Количество участников сокращалось. На последнем заседании в конце 2004 года от первоначально полного надежд подъема не осталось и следа.

Независимо от этих институциональных усилий я сам в течение долгих лет поддерживал с некоторыми из осевших в Тюбингене евреев частью тесные, частью более свободные личные контакты. Среди них была Фелиция Лангер, польская еврейка. Будучи израильским адвокатом, она боролась за права палестинцев. В 1990 году, протестуя против израильской оккупационной политики, она закрыла свою канцелярию в Иерусалиме и вместе с мужем Мечу (Miesiu), пережившим ад нескольких концлагерей, приехала в Тюбинген. За свою борьбу за права человека, несмотря на тяжелые обстоятельства, она, наряду с другими наградами, была удостоена «Right Livelihood Award», так называемой Альтернативной Нобелевской премии.

С 1989 года в городском районе Тюбингена Дерендингене проживал Ханс Заль, вторично вернувшийся из Америки, из «эмиграции в эмиграцию». Сразу же после его прибытия я принял его в ратуше и познакомился со скромным, милым филантропом. Я пригласил его на большие ратушные чтения под заголовком «Мы – последние» и отпраздновал с ним и его женой в маленьком кругу его 90-летие. По этому случаю он попросил свою жену прочитать следующий текст: *«Оно (т.е. приглашение) пришло мне в городе, в котором жил поэт, закончивший свои дни в безумии. Он писал на языке, на котором я, появившись на свет, впервые услышал человеческие звуки. Такие слова как «любовь» и «свобода», «отец» и «мать». На этом языке я сам писал мои первые стихи, называл свои первые успехи. На этом языке я получил также высылку из страны, вынужден был бежать и нести его, язык, по всей Европе, из страны в страну, до самой Америки.»*

Я старался сохранить его живым, я защищал его теплом своего тела от холода и контрабандой доставил через границу и приношу сейчас в целости и сохранности, как я надеюсь, с особенными признаками, сообщающими о различных этапах его судьбы. Я возвращаю его в город Гельдерлина и передаю человеку, которому доверяю заботиться о печалях и радостях этого города, в качестве благодарности за то, что он может праздновать мой день рождения вместе со мной и моими друзьями».

Для меня Ханс Заль был, и его слова подтверждают это, одним из многих немецких евреев, которым удалось избежать нацистского террора и холокоста, но которые, при всей нужде, испытанной ими на чужбине, никогда не отрекались от немецкого языка и культуры. В немецком газетно-литературном отделе он был долго неизвестен. Только теперь, вернувшись, наконец, в Германию, он удостоился славы в большой печати за своё писательское и поэтическое творчество. Самые тесные узы связывали меня с Хансом Майером, которого я уже часто упоминал. Как и Ханс Заль, еврей из Дрездена, он, еврей из Кёльна, происходил из добропорядочной буржуазной семьи. Оба сочувствовали социализму, оба эмигрировали и оба позднее вернулись в Германию, один раньше, другой позже. В то время как Ханс Заль после сталинских чисток покончил со своими социалистическими идеалами и, имея опыт разочарований в своих надеждах, предостерегал с этих пор от любой тоталитарной идеологии, Ханс Майер остался верен своим прежним идеалам до конца жизни: «Почему я все еще социалист? – Меня удерживает видение лучшей жизни», – сказал он мне однажды.

Уже с 1976 года он обратил на себя мое внимание появившимся в «Тагблатт» и процитированным мной выше тюрбингенским «Объяснением в любви». В последующее время дело дошло сначала до письменных контактов, а затем до личных встреч, продолжавшихся и после моего выхода в отставку. Время от времени мы с женой навещали его в его квартире на Неккархальде, как правило, на дни его рождения и на Новый год, и мы беседовали час-другой, а иногда и по полдня, он называл это «работать друг с другом». Он много рассказывал о своих речах, произнесенных им в разных местах перед искушенной в литературе публикой, о торжественных ужинах у политической элиты, надписывал мне свои новые книги, подарил мне две небольшие статуэтки, изображавшие согбенного от забот человека в разных состояниях, и, что меня особенно обрадовало, двухтомник составленного Кристофом Теодором Швабом первого издания «Произведений Гёльдерлина».

В одном из очень личных разговоров, омраченных его возрастом, он спросил меня, согласен ли я стать его душеприказчиком и может ли город Тюрбинген купить его съемную квартиру и сохранить её как памятное место и место для работы городских писателей. Первое я отклонил по зрелом размышлении и объяснил ему своё решение в письме. Последнее не подлежало рассмотре-

нию, в первую очередь, из-за архитектурно-строительной сложности дома, в котором он жил, а также по причинам преимущественного права. Это я сказал ему непосредственно лично, и он спонтанно ответил, не скрывая разочарования: «Забудьте эту мысль». К счастью, наших дальнейших отношений этот несколько критический эпизод не испортил.

С 90-х годов Ханс Майер, этот аутсайдер, становился всё более одиноким и ожесточенным. Ему принесли по почте два анонимных письма с темными угрозами, которые он передал мне на хранение. С университетом, где он был экстраординарным профессором¹², и с «Кристёфле»¹³, шефом «Тагблатт», периодически также с Вальтером Йенсом¹⁴, который вместо него написал некролог об Эрнсте Блохе¹⁵, он поссорился. Тут же еще у него возникли сложности с хозяином квартиры, который потребовал освободить жилплощадь. Обе стороны обратились к адвокатам. *«Это дело я выдержу, но мое отвращение безгранично. Неужели всё напрасно с 1945?»* Так он мне написал и хотел порвать с Тюрбингеном, этим «злым» городом, и покинуть его, даже если выиграет процесс. В Кёльне, его родном городе, как заверил его тамошний обер-бургмистр, его примут с радостью.

Зная всех действующих лиц, я попытался быть посредником. Он хотел остаться. А после того как мы – Академия искусств в Берлине, Университетский союз в Тюрбингене и город Тюрбинген – вместе со знатными гостями устроили празднование его 85-летия в монастыре Бебенхаузен, он благодарил меня и написал: *«Если я теперь и в самом деле с удовольствием живу в Тюрбингене.., то это связано непосредственно с Вашей персоной. Без Вас Тюрбинген оставался бы просто местом жительства, как и другие места, но не был бы формой духовной жизни в духе той формулировки, которую нашел Томас Манн для Любека».*

Когда спустя годы он в силу возраста не смог прийти на церемонию моего прощания с должностью, он еще раз счел необходимым заверить меня в своем отношении: *«Вы были, как кажется, единственным человеком, открыто заявлявшим о желательности того, чтобы я остался в городе (и в стране)».*

Достигнув 94 лет, он вскоре умер в своей тюрбингенской квартире. Вместе с Вальтером и Ингой Йенс и его санитаром я стоял в почетном карауле. Похоронили его не в Кёльне, его родном городе, и не в Тюрбингене, где он прожил большую часть своей жизни и где покоится Эрнст Блох, за которым он последовал сюда из Лейпцига, а на

евангелическом кладбище Доротеенштадта¹⁶ в Берлине. Там он упокоился среди выдающихся личностей, философов, литераторов и других духовных столпов, среди которых достаточно назвать Гегеля и Фихте, Генриха Манна и Бертольда Брехта. На похоронах присутствовало много литературных светил. Был также и тогдашний федеральный президент Йоханнес Рау. Речей, согласно желанию покойного, не произносилось. У гроба выступил только протестантский священник. Он по достоинству почтил страстного просветителя, цитировал «Немца впредь до отмены», который, будучи «гомосексуалистом, евреем и марксистом, был аутсайдером». Сразу после погребения Вальтер Йенс помянул усопшего в узком кругу в Академии искусств. На его черном обелиске простая надпись золотыми буквами: «Ханс Майер, 1907–2001».

Ханс Майер был блестящим, часто приглашаемым оратором и влюбленным в язык стилистом с устрашающей, как он однажды выразился, памятью. То, что он писал – а он писал много – и как он это писал, я читал всегда с наслаждением и пользой для себя. Его особая любовь в необъятном космосе культуры, где он действовал как неутомимый трудяга, принадлежала наряду с литературой в первую очередь музыке. Он был в высшей степени тонко чувствующим человеком. Черты тщеславия и заносчивости, свойственные ему, вспыхивая, соединялись в нем с холерическим темпераментом. Он хвалил сам себя («То, что я сделал из себя, этого не может никто в Германии»).

Близость к сильному миру сего он умел ценить. Короче, он представлял собой своевольный, сложный характер.

Совершенно неожиданно для меня именно этот убежденный, не столь марксистски, сколь буржуазно настроенный индивидуалист и разочарованный просветитель-скептик («Там, где господствует свобода мнений, ни одно учение не может быть лишним»), войдя в библейский возраст, вспомнил о своих пришедших через Тору еврейских корнях и стал задумываться о трансцендентном и сверхчувственном. Так, в своем рассказе «Ханна и Курт» он изумляется тому, каким совершенно необъяснимым образом могут сплетаться нити жизни: «Случайность? Волны симпатии на большом расстоянии? Кажется, здесь не может обойтись без вмешательства какой-то метафизики».

Вопреки всему его личному своеобразию, мы с женой любили этого знаменитого в литературном мире, почти вездесущего в публичных сферах культуры и, в конечном счете, все же одинокого

старика. И мы чувствовали, что при всей дистанцированности, свойственной его натуре, он всегда искал нашей близости.

И последнее: я благодарен судьбе за то, что в пору своей службы судьей я встретился с Гейнцем Вейлем, моим коллегой, судьей в Штутгарте, а в пору своего обер-бургомистрства – с писателями Хансом Залем и Хансом Майером; все трое евреи, вовремя сбежавшие от нацистов, они смогли спасти свою жизнь и снова возвратиться в духовную республику, в которой они выросли и в которой никто не мог лишить их прав гражданства. Они отмечены шрамами той немецко-еврейской истории, иметь которой не хотелось бы, но которую нельзя и не должно забыть. Их жизненные пути приказывают нам, послевоенным потомкам, отречься от возможных идеологий и неуклонно бороться за права человека и свободы, включая защищающее их правовое государство. Конечно, даже самые просвещенные демократии не могут искоренить антисемитизм («Если ты забываешь, что ты еврей, твое окружение напомнит тебе об этом»), расовую и национальную ненависть. Эти явления, подобно раковым опухолям и скрытым метастазам, могут в любой момент активизироваться. И все же демократия, как никакая другая форма государственного устройства, предлагает гарантию того, что злобные человеческие первобытные черты можно хоть в какой-то степени укротить; это именно то знание, которое в качестве предостережения пришло к нам вместе с национал-социалистским наследством.

Примечания

¹ Попутно несколько замечаний: во-первых, написание «доктор» как «д-р». У нас часто пишут слово целиком, что смешно, потому что тогда это обозначает профессию – врач. Правильное написание (сокращенное) вывелось из-за того, что в советское время такое титулование не употреблялось. Во-вторых, «доктор» обозначает по-нашему «кандидат наук». В Германии различаются *promovierter Doktor* (*Doktor mit Promotion; Promotion*) – кандидат наук и *habilitierter Doktor* (*Doktor mit Habilitation; Habilitation*) – доктор наук. Если на письме или в устной речи пишут /говорят просто «Doktor», «Dr.», то имеется в виду «кандидат наук», а если «Prof.Dr.» и при обращении «Herr Professor», то это доктор наук. И, в-третьих, по поводу имени: написание «Шмид» без привычного «Шмидт» – это не описка, а особенность швабского диалекта, существующего в южном ареале. И, наверное, еще: его имя удивительно верно отображает его личность. Имя «Ойген» (русский аналог – Евгений)

происходит из др.греческого «eu» – хороший, благо-родный, и «gen» – род, таким образом, всё в целом означает «благородный, хорошего рода». А фамилия «Шмид» связана с немецким «Schmied» – «кузнец», т.е. человек, всегда создающий что-то полезное и необходимое. Кстати, это самая распространенная фамилия на земном шаре, получающая, естественно, свою языковую оболочку в зависимости от страны.

² Г-н Шмид родился в марте 1932 г., ему сейчас пошел 91-й год.

³ Dr. Eugen Schmid. «Nachsinnen». – Berlin, S. 443-467. «Nationalsozialistisches Erbe».

⁴ О ней и её текстах-притчах см. «Север», № 9-10, 2021, с. 32-43.

⁵ Так и вспоминаются строки Г. Шпаликова: По несчастью, или к счастью, / Истина проста: / Никогда не возвращайся / В прежние места.

⁶ Т.е. Национал-социалистская рабочая партия Германии (NSDAP). – В.Д.

⁷ Синти и рома – названия западных ветвей цыганских этносов. 16 декабря 1942 г. десятки тысяч цыган были депортированы в концлагерь Освенцим, где почти все они были уничтожены в газовых камерах. – В.Д.

⁸ Под «гораздо позднее», что абсолютно верно оригиналу, могут подразумеваться, я думаю, два варианта: 1) время покаяния прошло, и нечего затевать всё сначала, нужно покончить с этой историей навсегда; и 2) подожди, ты еще пожалеешь о своей инициативе, т.к. пока что не представляешь, каковы будут её плоды в будущем, не знаешь, к чему она приведет. – В.Д.

⁹ Тюбингенский календарь – большой цветной настенный календарь; «Тюбингенские известия» – регулярно выпускаемый толстый, крупноформатный журнал с очень интересными статьями о старой и новой истории города, с великолепными фотографиями и иллюстрациями. – В.Д.

¹⁰ Событие, получившее в истории название «Хрустальной ночи». – В.Д.

¹¹ Название квартала, где со времени окончания Второй мировой войны и вплоть до 2000 г. жили офицеры и солдаты оккупационного французского контингента. – В.Д.

¹² Т.е. нештатным. – В.Д.

¹³ Уменьшительная швабская форма имени Кристоф. Кристоф Мюллер был издателем газеты «Швабский листок». – В.Д.

¹⁴ Вальтер Йенс (1923–2013) – очень известный в Баден-Вюртемберге и вообще в Германии писатель, публицист, филолог, литературный критик, входил в «Группу-47». – В.Д.

¹⁵ Эрнст Блох (1885–1977) – немецкий философ, социолог, публицист неомарксистской ориентации. – В.Д.

¹⁶ Исторический квартал в центре Берлина. – В.Д.

Валентина Тадэушевна ДВИНСКАЯ –

кандидат филологических наук, доцент,

член Российского союза германистов.

23 года работала на кафедре немецкого языка КГПИ

в качестве преподавателя и заведующего.

В 1993 г. перешла в Петрозаводский госуниверситет на впервые созданную кафедру германской филологии, где преподавала до 2010 г.

Автор около 70 работ,

посвященных различным аспектам немецкого языка.

В настоящее время, будучи пенсионером,

не оставляет общественной деятельности,

занимаясь с группами заинтересованных лиц в Национальной библиотеке.

В журнале «Север» публикуется впервые.

